

**Людмила
ВОРОБЬЁВА**

г. Минск

СЕВЕРОМОРСКИЕ ИСТОРИИ АЛЕКСЕЯ ЯШИНА, ИЛИ ПОЛЯРНАЯ КОЛЫБЕЛЬ АРКТИЧЕСКОГО ДЕТСТВА

О повести А. А. Яшина «Страна холода» в двух книгах

От этих строчек никуда не деться – Мне даже в самой дальней из сторон Приносит их из северного детства В любой конец планеты аквилон.

Владимир Фёдоров

Вероятно, прочтя заглавие повести Алексея Яшина «Детство в Гипербореях» – первой книги его дилогии «Страна холода», – читатель будет заинтригован таинственной связью скрытых смыслов. Слово из небытия памяти всплывает миф о когда-то существовавшей на Кольском полуострове древней цивилизации гипербореев. Абсолютно логично складывается всё и в описании автора: это волшебная страна на далёком Севере, Земной рай его детства, где живут подобные гипербореев сильные и одарённые люди. Именно они своим героическим трудом открывают новую страницу в истории освоения Крайнего Севера и приумножают мощь и величие советской Державы.

Предваряя повесть «Детство в Гипербореях», известный критик Леонид Ханбеков в предисловии к

ней точно заметит, что, прочитав не одну книгу Алексея Яшина, становится ясно: мурманская тема Заполярья и Северного флота – сквозная тема в его творчестве, постоянно напоминающая о себе, о чём бы он ни писал, касаясь старины глубокой или нашей нынешней современности. Справедливости ради отмечу, что мне довелось убедиться в этом неоднократно. Алексей Афанасьевич Яшин идёт своим собственным путём, подчас петлистым, не всегда простым, но так или иначе обязательно приводит нас в свою «Страну холода», на свою малую родину, в своё детство, наполненное североморским колоритом первозданного полярного края.

Не секрет, что нет человека без родины, без страны детства, даже если оно прошло в столь необычной точке нашей Земли, у самой кромки Северного полюса, начиная свой разбег с островков Палагубного, места, где родился Алексей Яшин, затем Седловатого, где он провёл младенческие годы, и ведя его дальше, на остров Большой Олений и город Полярный, – таков географический маршрут детства и отрочества на карте жизни пи-

сателя. Вот вам и «маячный пацан», познавший с детства мир маяков, полярные дни и ночи суровой морской жизни Кольского полуострова! Два разных, контрастных мира предстают в реальности, что воочию отражает и физическая карта – Крайний Север и вся остальная Большая земля. Даже обладая богатой фантазией, не побывав в этой стране вечных снегов и ветров, многое не постичь. Воистину – легендарная Гиперборея!

К тому же вызывает восхищение и сама личность писателя: учёный-биофизик с мировым именем, доктор технических наук, профессор, академик, главный редактор литературно-художественного и публицистического ордена Г. Р. Державина журнала «Приокские зори», лауреат международных и всероссийских премий, человек уникальных и разносторонних познаний, недаром его называют «тульским энциклопедистом», который никогда не перестаёт удивлять нас, не перестаёт быть оригинальным. Основательный и эпохальный жанр классического повествования – явление крайне редкое в сегодняшнем литературном мире. Алексей Афанасьевич, вне всякого сомнения, – непревзойдённый мастер-профессионал современного отечественного бытописания. Каждое его произведение, будь то рассказ или повесть, при желании вполне может перерасти в хороший и основательный роман. Что примечательно: несмотря на все свои весомые регалии и звания, он окончил ещё и Литературный институт имени А. М. Горького. Сама собой возникает параллель с его книгой «Житие наше оцифрованное», приуроченной к 85-летию создания Союза писателей СССР. Пожалуй, Алексей Яшин оказался единственным писателем на всём постсоветском литературном пространстве, кто так всесторонне и обстоятельно раскрыл историю этого эпохального события в своём нынче не имеющем аналогов, редком и весьма любопытнейшем издании.

Однако вернёмся к нашей повести. Хочется отметить самобытную русскую традицию автора, которая прослеживается в его классическом стиле и сугубо индивидуальной манере подачи материала, манере его художественного письма, обогащённой щедрой народной речью. Русская национальная почва, составляющая основу творчества писателя, также является прочной основой бытия и для героев его произведений. Североморская биография Алексея Яшина, которая так пронзительно высветилась в его книге «Страна холода», имеет самое прямое отношение к описанным им событиям и персонажам. Нет, не океан ностальгии по давно ушедшему детству изливает он на страницах своей повести, но прежде всего автор обращается к исторической памяти, генетически неразрывной с памятью кров-

ной, родовой. Заслуживает уважения и тот факт, что становление его героя показано на фоне становления и укрепления индустриальной мощи великой страны. Впечатляет и ярко выраженный краеведческий подход писателя, который обращается к истории освоения Севера первыми русскими землепроходцами, крепившими силу и величие Российской империи. Если в своих предыдущих изданиях Алексей Яшин возрождает старую добрую русскую традицию литературно-художественного лубка, то в этой дилогии он тоже по-своему неповторим и уникален: самобытность его тексту придаёт рисунки художника-этнографа XIX века Н. Н. Каразина, позаимствованные им из книги русского писателя Василия Немировича-Данченко «Страна холода» (1877), брата известного драматурга Владимира Немировича-Данченко. История знакомства с точно такой же книгой, оформленной иллюстрациями Каразина, случилась с автором ещё в Заполярье, когда он, шестилетний малец, разглядывал картинки у соседа-маячника Матронины. Следовательно, в жизни не бывает случайного: рисунки тех мест, где прошло детство и отрочество Алексея Яшина, получили своё второе дыхание на страницах уже его собственной книги-дилогии «Страна холода». Что ни говори, а мурманское происхождение ещё не раз скажется в его произведениях, не раз позовёт читателя в морские северные дали, туда, где когда-то жили мужественные и открытые гиперборей.

Н. Лесков, желая выделить творческую личность на фоне обыденной, примелькавшейся повседневности, дал следующее исчерпывающее определение: «Человек с идеями, – словом, художник». Стоит отметить, что проза Алексея Яшина, которой он постоянно стремится придать интеллектуально-художественную литературную форму, располагает к вдумчивому, умному чтению и не позволяет его книгам бесследно затеряться в современном потоке массовой культуры. На примере его новой повести мы в очередной раз убеждаемся в том, что перед нами большой мастер дилогий и тетралогий, их многочисленных и взаимосвязанных между собой циклообразующих элементов, проявляющихся в развитии общего сюжета, в бесконечной трансформации единых, неизменных образов. В эпоху стремительного развития компьютерных технологий подобный жанр уходит в прошлое. Время с момента выхода первой повести «Детство в Гипербореях» (2009) и до появления второй «Под опекой Арктогеи» (2021) заняло у автора ровно 12 лет, как видим, – долгая дорога в детство длиною в жизнь. Однако пришло время сказать и о главном герое книги: Николае Андреевиче, литературном alter ego автора, его «другом я», отпуск которого, как он говорит, давно

затянулся на Большой земле. Вот уже 40 лет он живёт в среднерусском городе и, проработав на оборонку в НПО «Меткость» ни много ни мало, а тоже 40 лет, продолжает трудиться доцентом Тулуповского госуниверситета. Николка, достопамятный Николай Андреевич и сам автор – одно лицо. Своего рода некое былинное триединство, хорошо знакомое нам по русским сказкам.

Неудивительно: повесть вобрала в себя реальные картинки детства, связанные с малой родиной писателя. Вселенная зарождается с детства, открывая каждому из нас художественное, поэтическое восприятие мира. Но самые сильные чувства, в чём откровенно признается автор, вызывает в человеке именно его малая родина, откуда художник получает свой золотой запас и постоянно черпает вдохновение. Память с годами даёт о себе знать и возвращает нас к родным берегам. Всё замыкается на круги своя. С берегов Кольского полуострова, омываемого водами Баренцева и Белого морей, что за Северным Полярным кругом, и начинает Алексей Яшин своё повествование, которое, подобно течению природных вод, идёт через созерцание бытия, мира и человека, времени и национальной истории, включающей в себя целостный духовно-нравственный путь народа.

Бытует старое и проверенное мнение, что все мы родом из нашего детства. Хотя стать избранниками своего детства дано не каждому. Тут необходимо редкое умение – особый талант о нём рассказать. Но эти книги не так просто написать. Внутренний мир ребёнка невероятно сложен, многообразен. Конечно же, живы образцы русской классики, где тема детства была сквозной темой всей русской литературы. Прообразом своих героев там всегда выступали сами авторы: автобиографические повести С. Аксакова, Л. Толстого, Н. Гарины-Михайловского, К. Чуковского, А. Гайдара. В данном случае предмет исследования Алексея Яшина – тоже детство – святая пора познания и открытий, а вместе с тем пора проб и ошибок, пора приобретения первого жизненного опыта. Воспоминания о детстве – ценность, которую мы носим с собой ежедневно. Ведь только в детстве человек ощущает себя настоящим творцом Вселенной! Куда же всё это исчезает с годами? – кто знает.

Алексей Яшин показывает читателю типичные траектории взросления своего героя, малолетние движения его робкой и одновременно бесстрашной в своей жажде познаний души, в перспективе, возможно, повлиявшие на всю его дальнейшую жизнь. Можно прочертить следующую параллель, которая прослеживается в повести, – самоанализ как основа бытия Николки и как основа всего повествования.

Мы имеем дело с достаточно глубокой философией детства, осмыслением мира и себя в нём как единой частицы целого. Автор глазами невероятно быстро взрослеющего Николки, постигающего «новостройки очередной пятилетки», пытается передать нам исторический опыт жизни народа, его трудовых буден, хочет показать достижения советской науки, являющейся ничем незаменимым создательным ресурсом.

Заполярье в 50-60-е годы двадцатого столетия – энергичный и стремительно развивающийся край. Николка подрастает, жадно впитывает знания, и окружающая жизнь набирает обороты, и многое он уже узнаёт из областных телевизионных новостей: «об успехах сразу двух рыболовных флотов – Тралового и Сельдяного, добыче апатитово-нефелиновых руд, производстве никеля, меди и железно-рудных окатышей для Череповецкого металлургического завода «Северная Магнитка», о строительстве новых гидроэлектростанций, счёт которых уже подходил если не к десятку, то близко, и изысканиях под будущие Кольскую атомную и первую в мире Кислогубскую приливно-отливную электростанции». Всего не счесть. Именно этим мировоззрением общего коллективного труда наполняется его детство и отрочество, которое оказало своё влияние и на судьбу уже зрелого героя, Николая Андреевича, избравшего стезю научной деятельности. Очевидно главное: важна память не только детства, а память, вбирающая в себя исторический и жизненный опыт поколений.

*Необъятный остров Седловатый,
Здесь минус полсотни неделями
Привычно и яростно жмёт:
Мой рай, заметённый метелями,
В особом режиме живёт.*

Владимир Фёдоров

Не задаться целью поведать читателю хотя бы отдельные моменты из жизни Николки на острове Седловатом – значит, ровным счётом ничего не рассказать и о самой повести «Детство в Гипербореях». Жизнь шестилетнего Николки на полярном островке Седловатом, где его родители несли маячную флотскую службу, переезжая с одного маяка на другой, как ни странно, была полна чудес и всевозможных происшествий. Казалось бы, небольшой островок в Кольском заливе, а для Николки и его друзей – целый огромный мир!

Время всегда выбирает лучшее, отсеивая всё несущественное и оставляя в памяти лишь самое значительное, приметное. Автор ведёт своё описание, словно находясь в кругу русских художников,

ни на шаг не отступая от отечественной традиции. Его также волнуют категории осмысления времени, поэтому и к Николке приходят мечты и сны, наполненные природой, удивительными вещами и предметами быта, а ещё поражает детская память, цепкий, пытливый ум ребёнка и совсем недетский, по-взрослому философский взгляд на окружающий мир. Алексей Яшин – мастер бытовых загадок, мудрый, отчасти ироничный. Увлекательный сюжет, никогда не скучный, сочный язык, умный юмор, анекдотичные ситуации, подчас вызывающие лёгкое изумление, – всё это делает его тексты невероятно привлекательными.

Наш маленький герой живёт в необъятных владениях Севера: ледяные ветра, морские шторма, приливы и отливы, тюлени, касатки, киты, непроницаемые молочные туманы, северное сияние, полуголые сопки, летний двухмесячный полярный день здесь сменяется зимним, когда длится одна бесконечная ночь без заката и рассвета. Суровый и одновременно красивый край! И люди сюда ехали не только за «длинным рублём». Что-то ещё держало их и не отпускало, может быть, романтика этих неизведанных мест. Особая статья – маяки Кольского побережья и маячные дома, где несут свою вахту-службу опытные мореманы, потому как и сама территория острова – военно-морская. Громадина маяка-сирены, будто магнитом, тянула к себе мальчуганов. Скучная, лишь на первый взгляд, размеренная заполярная жизнь оживлялась появлением торговых судов, рыболовцев сейнеров, крейсеров и торпедных катеров, не считая подводных лодок и военных кораблей.

«Дел-то сколько надо переделать?» – не то вопрошает, не то восклицает Николка и спешит выбраться из дома. Ох, только кружит спросонья голову «могучий дух скороспелых шанег со свежей сахаренной моршшкой», вкуснейшая яичница из порошка, да на сале, какао на сухом молоке со гущёнкой. Вот испробует он всё и поскорее отправится в путь. Наш Николка «по возрасту – вождь малышни». Ясно как Божий день, никому не дожидаться его возвращения до самой полуночи! «Остров-то такой великий...» – сетует он.

Не нами сказано, что беспределен только один мир: детство. И не поверите, какое же множество необыкновенных приключений ожидает его: и вот с коровой, которую вот-вот должны доставить на остров, только бы успеть, не пропустить необычное приключение, и долгожданная баржа с пайковым продовольствием, и рыбалка, и тонкости отливки свинцовой дроби, в которые парнишку посвящает отец, и боевые кастеты, без этого в их мужской, мальчишеской, жизни никак, и новенькие книжки с

картинками, что стоят и дожидаются своего часа на этажерке, а ещё самая любимая книжка, та, что у маячника Матронины, с картинками и дивными сказками о старых тундровых оленеводах-лопарях. Где ещё увидишь такое?!

Ни один русский писатель не мыслит себя вне связи с природой, не представляет себя без наблюдения за её временами года, без сладостного хождения и странствия на природе, ведь всякая человеческая любовь, несомненно, закладывается у нас в детстве. Золотой век детства, свои полярные путешествия и у Алексея Яшина, своё состояние гармонии и единения с природой. Трёхлетняя детвора могла отличить и норд-норд, и зюйд-ост, так по-флотски называют ветра. Каким образом? – известно только островным жителям. Нравственное взросление человека не может быть вне связи с природой. Тайны Меловой бухты, хранящие отпечатки диковинных древних обитателей Баренцева моря, неожиданно раскрываются Николке, и манят его секреты Торфяного озера, и будоражат его воображение морские ежи, звёзды и крабы. Разве можно всё охватить, пусть и за такой вечный, нескончаемый день, какой бывает лишь в детстве?! Вот как красочно, в лучших традициях русской классики Алексей Яшин описывает один день из жизни своего маленького героя: «Однако Николка засиделся у Гусаровых, а может, просто за делами-заботами и не заметил, как день уже давно перевалил за свою середину и близится к вечеру: солнце, что летним утром, провисев короткую светлую ночь над горизонтом Баренцева моря, где-то прямо над Северным полюсом, отрывалось от водной глади и подскокавало, как виделось с Седловатого, над Кильдиным, затем до полудня, до высшей своей точки в небе, обходило остров по дуге на юг и замирало уже над невидимым отсюда Мурманском, а затем так же по дуге огибало Седловатый уже с запада и снова снижалось до уровня Баренцева моря слева, за полуостровом Рыбачьим». Почувствуйте, каков стиль и каков авторский язык!

«Замечено, что впечатления, какие мы получаем в детстве, бывают всегда чрезвычайно сильны, живы и долговечны, оставляя в душе неизгладимые следы на всю последующую жизнь», – проникновенно писал Н. Добролюбов. Вещи и предметы могут порой рассказать о человеке гораздо больше, чем он сам. Николку тоже окружает мир разных любопытных вещей: уютная этажерка с книгами, зуммер телефона, необходимый маячникам, часы с двадцатичетырёхчасовым корабельным циферблатом. Да и свои маленькие секреты есть у него – тайный клад, где хранит он свои невиданные богатства, массу всевозможных предметов: и патроны, и гильзы, и даже

медные и серебряные монеты, уйму дорогих ему мелочей, о чём никогда и не догадаешься.

Кроме того, автор целенаправленно обращает наше внимание на философскую, интуитивную логику познания героя, на присущую ему с детства дедукцию. Николка идёт собственным логическим путём и доходит до сути вещей сам, без посторонней помощи. По-флотски это звучит так: «Следую своим особым курсом». Если мать слегка тревожилась, что Николка не похож из-за своей задумчивости на других детей – «мечтательный, не от мира сего», то отец, наоборот, относился с пониманием: «Это хорошо, хотя другие будут замечать: тугодум, мол, парень. На самом же деле значит – до всего сам с малых лет доискивается. Значит, толк из него выйдет!» И вовсе не забавы ради сидит Николка до полуночи на мысу между бухтами и непрерывно смотрит на прибывающую воду – размышляет, ведь сколько всего, пока ещё ему непонятного, происходит в человеческой жизни. Как похожа она на эти нескончаемые приливы и отливы! Каким-то удивительным образом писатель соединяет в своей повести хроникально-бытовое время с условным. Мотив сна переплетается с реальностью, и сновидения неотступно следуют за нашим героем. А здесь на Севере – они особенные. Поди отличи, например, ночной сон от дневной яви, когда за окном утро без рассвета. Сон – небывалое сочетание бывалых впечатлений. Радостен, сладок для наивного пятилетнего человека его занимательный сон-утеха! Кажется, не заканчиваются мальчишеские сны, но они помогают и нечто такое отгадать, может, то, что происходит в действительности, ибо чистая детская душа живёт в большей степени иррациональным в отличие от души взрослой.

В русле нашей темы детства в диалогии Алексея Яшина «Страна холода» параллельно рассматривается и тема семьи. Во многих произведениях русской литературы XIX века затрагивалась эта тема, и везде семья представлялась в различных обликах, являя нам свой тип и свою традицию. Алексей Яшин, как писатель глубокой социально-отечественной культурной памяти, немало внимания во всех своих книгах уделяет семье, её решающей и немаловажной роли в становлении человека. Отцовская и материнская линии крепко переплелись в его судьбе: с одной стороны – отец, который был родом из калужских крестьян, выходец из калужских старообрядцев-половцев, моряк-североморец, с другой – архангельская мать с примесью шотландских кровей. Мать родилась в большом монастырском селе Великий Халуй Архангельской губернии – северный край между Онегой и Северной Двиной. Эти места и связанные с ними революци-

онные события он подробно опишет в своей повести «Коммуна комиссара Гоши». Говоря о матери, автор непременно упоминает её архангельский неповторимый говор, обладающий своим особым, непередаваемым наречием.

«Так Толька-то с середины ночи ушёл на Меловую бухту к утреннему отливу с острой камбалой ловить. Вчерась-то много я теста сготовила, вот и шанги испекла, и ещё осталось, а отец велел к вечеру, как с маяка придёт, рыбак с камбалой запечь. Вот Толька и отправился; должен уже скоро и заявиться», – невозможно удержаться, дабы не привести хотя бы небольшую выдержку из повести, в которой писатель передаёт образный разговор матери, согревающей их дом своим теплом, своей заботой, любовью, лаской к детям и налаживающей уютный быт в тех северных, подчас напряжённых, жёстких условиях. Мы по крупнице впитываем самобытный литературный язык писателя, при этом испытывая истинное наслаждение от его тонкого знания великорусского слова, обладающего неповторимым речевым своеобразием. Истоки этого языкового богатства Алексей Яшин черпает в творчестве любимых русских художников слова: Лескова, Салтыкова-Щедрина, Тургенева, Писемского, Гончарова, Гоголя, Герцена, Толстого и, конечно же, Достоевского. Вообще, если говорить откровенно, что видно даже невооружённым глазом, – сами названия глав у автора неординарны и харизматичны. Он часто прибегает к пословицам, поговоркам, присказкам, прибауткам, крылатым литературным выражениям, афоризмам русских писателей, оригинально вписывая их в контекст нашей современности.

Алексей Яшин наделяет своих персонажей красочным народным языком, природным юмором, которым свойственны и языковые курьёзы, и остроумные характерные выражения. Примеры? Сколько душе угодно! Так его глава «Старшие братья: одна мать и два отца» – это вовсе не сказочное, мифическое заглавие, а самая что ни на есть суцая правда, живая и доподлинная история его семьи, в которой было пять братьев. Его отец прошёл две войны: Финскую и Отечественную. С детства Николка усвоил один характерный для всех фронтовиков момент – то военное поколение никогда не любило рассказывать о войне. Так или иначе, а Николке приходится в чём-то постигать и хитрованство, и, если порой ему не удаётся разрешить «чужую доуку – злую муку», он хитроумно откладывает её до лучших времён, когда подрастёт. Пусть пока неведом ему Екклезиаст, сказавший о том, что всему есть своё время, но мальчуган рано или поздно до всего дойдёт собственным умом.

Поистине знаменательным событием для Никол-

ки и для всей большой семьи была поездка в отпуск – «поездка за три моря», как любил называть её отец, на манер путешествия купца Афанасия Никитина. Он много и страстно читал, причем не раз удивлял Николку, наряду со своими литературными, ещё и философскими познаниями. Их отпуск проходил на Большой земле, в калужской деревне отца Дворцы, куда глава семьи приезжал настоящим щёголем, предпочитая блеснуть добротной, красивой одеждой. Баренцево море с его холодными штормами сменялось для мальчишки живописной и по-летнему ласковой рекой Угрой.

Отчётливо звучит у Алексея Яшина и эмоционально сильный мотив свободы детства, разумной самостоятельности героя в своих поступках, в своих первых жизненных решениях. Будет прав отец, придерживающийся собственного мнения, коим охотно поделился и с сыном, когда высказывал ему мысль о непреложной пользе детства в суровых условиях, вырабатывающих в человеке стержень характера: «Где родился, там и пригодился». Осталась в цепкой детской памяти эта мудрая народная пословица, не теряющая своей актуальности. Спустя много лет в своей повести «Детство в Гипербореях» он так и называет её завершающую главу. Интересная жизнь, наполненная смыслами созидания, окрылённая большими человеческими устремлениями и целями, запечатлелась в его памяти навсегда: Седловатый, Полярный, Североморск – вечные маяки надежды и света.

Но можно ли вернуться в свое детство? Автор на сей счёт не питает особых иллюзий. Вы заинтригованы? Тогда вновь начнём издалика, вспомнив и о Богине Северного полюса – Арктогее.

*Остров Большой Олений,
Если надо, сочиню я лето,
Нарифмую золота и сини...
А пока под парусом рассвета
Пусть звенит студёная Россия.*

Владимир Фёдоров

В продолжение повести «Детство в Гипербореях» написана Алексеем Яшиным и его повесть «Под опекой Арктогеи» – вторая книга «Страна холода (2)». После «беспмятных лет младенчества» для Николки наступили иные времена – события на «чужбине»: школа в Полярном, колыбели Северного флота, учёба-воспитание в полярнинском интернате. В жизни героя начинается период, знаменующий его отроческое взросление на острове Большой Олений. Как говорится, «лиха беда начало...».

1958 год – Новый год и новая жизнь для всей

семьи: новогодняя ёлка из Мурманска, сполохи северного сияния и «звон хрустальных колокольчиков». Северная Богиня Арктогея – Богиня рассвета – среди первозданной красоты Заполярья придаст их бытию более светлые краски, более острые впечатления. Центральная идея повести – становление человека – живые доказательства строительства эпохи, зарождения новых городов, электростанций, заводов, комбинатов. Энергичный труд человеческого созидания – как метафора старины и нови – приветственные гудки трудяги «Ермака» и первого в мире атомного ледокола «Ленин». «Главное – рос Николка в то прекрасное время, когда холод физический, атмосферный многократно перевешивался теплом добрых, хотя внешне и грубоватых, людей советской, русской Гиперборей», – вдохновенно напишет автор.

Выразительно, до боли сокровенно передано в книге чувство Родины, большой и малой. А может ли она быть малой?! «Море, неугасаемое лето, сопки и извивающиеся вокруг них вытянутые узкие заливы и проливы. Как передать словами заложенное веками и возрождающееся в каждом детстве поколения чувство неотделимости от твоего мира, твоего моря и проливов среди брусничных сопки? – Это развернутое время втянуло в воспоминания уже Николая Андреевича... Славянская равнинная кровь отца разбавлена материной – поморской, новгородского смешения прибрежных племен: от угорцев до варяжского племени русь. Темна история каждого рода. Не потому ли детские впечатления есть осязания этой земли, скал и моря, накопленные сотнями растаявших без следа и памяти поколений...» Разве может память народная, уходящая своими корнями в память каждого рода, раствориться во времени, исчезнуть в крови человека? Да, «учился Николка у родителей мудрости и содержанию жизни человеческой», – знает на собственном опыте автор. «В каждом из непрерывной цепи живущих воскресает «память отцов», – писал основоположник течения русского космизма Н. Фёдоров. Она и воспитывает каждого из нас опытом жизни и опытом приобретённых знаний.

Во всём у Алексея Яшина ощущается эпохальный размах повествования, историческая ретроспектива, прочитывается серьёзное понимание наследия поколения XX века, видится глубокая философская подсветка. «Детский ум ребёнка убеждён в бессмертии носящего его тела», – заметит он, тем самым придавая большое значение этому первоначальному периоду в судьбе своего героя. «Маячный пацан» Николка, вся жизнь которого проходила в сугубо владениях Северного флота, по воинской дисциплине, впитал и дисциплину внутрен-

ною, строгую дисциплину усвоения новых знаний. Полярный житель острова жил по своим чётко установленным правилам: постоянный и аккуратный читатель библиотеки, причем брал он и научно-популярные, и историко-краеведческие книги, в частности, по истории Кольского края, обязательно по радиоделу, заядлый коллекционер-нумизмат, знающий буквально все денежные единицы. Что тут скажешь?! Поэтому не особо его удивляет поездка в Крым, в пионерлагерь, и даже Чёрное море не кажется таким заманчивым! Тянет домой, к северным берегам. Своё кровное ближе, дороже. Да и каникулы у любознательного школьника «на новом месте идут «неторопко», по-русски, как в старину. Не будет впоследствии и уже наш взрослый герой Николай Андреевич рваться ни на какие заморские курорты, а свой отпуск, не уподобляясь модным веяниям, предпочтёт проводить дома, тихо и буднично, за приятным чтением хороших книг. Характер, заложенный в детстве, – налицо!

Человек проявляется в мелочах, из них складывается жизнь, и зоркий, пронизательный взгляд автора многого подмечает. Внешнее спокойствие и внутренняя собранность давали повзрослевшему Николке определённую свободу действий, необходимую для принятия судьбоносных решений самостоятельно. «Несостоявшийся нахимовец» объяснял свой выбор сообразно новому времени – появлению физиков и лириков – его целиком и полностью захватило радиодело. Вот так у самой кромки Арктики, у самого Баренцева моря родился будущий известный учёный и писатель.

«Почему с детства тянет человека даль, ширь, глубина, высота, неизвестное, опасное, то, где можно размахнуться жизнью, даже потерять ее за что-нибудь или за кого-нибудь? Разве это было бы возможно, будь нашей долей только то, что есть, «что Бог дал», – только земля, только одна эта жизнь? Бог, очевидно, дал нам намного больше», – писал И. Бунин в своей лирико-автобиографической книге в пяти частях «Жизнь Арсеньева». «Вернись хоть на миг воспоминание детства: море, качающийся на волне катер и незакатное в полночи июльское солнце, а вдали, у самого горизонта – скользящий по тихой глади купола мира серый корабль!» – словно вторя первому русскому нобелевскому лауреату и последнему гениальному певцу той уходящей России, с проникновенным лиризмом художника-живописца напишет своё пронзительное слово о детстве и Алексей Яшин.

Карта памяти его жизни и судьбы навсегда прочертила линию: Заполярье – Северный флот – Мурманск.

Вместо эпилога, или Notabene самого автора

Оглядываясь назад, бытописатель Алексей Яшин ставит перед собой актуальную цель: показать историческую память правдивой, соотнести её с координатами современных реалий и вызвать у читателя явный интерес к нашему общему прошлому. Дабы подвести сюжет всей дилогии «Страна холода» к его конечному обобщению, заглянем и в авторский эпилог, коим и заканчивается вторая книга, – «Любопытствующим о будущем...» По ходу повествования он обращается к ранее написанному и отнюдь не случайно вновь говорит о глобальном расчеловечивании. Вырисовывается яркий контраст, два абсолютно противоположных мира: детство Николки, наполненное творчеством, и нынешнее время повальной компьютеризации и всевозможных гаджетов, буквально с ранних лет губительно действующее на детскую психологию ребёнка. Невероятно сложно нынче прокладывать личную дорогу в большой мир, ставший человеку недружелюбным, полностью технологизированным.

Отойдя от книжных событий повести, Алексей Яшин ищет ответы на вопросы в произведениях известных философов, выдающихся деятелей литературы и искусства. Писатель, публицист и логик А. Зиновьев в своём философско-социальном романе «Человек-робот» определяет нынешнюю эпоху как глобальный «человек-робот», создающий людей-роботов. Появляется существо, предсказанное в романах-антиутопиях XX века, которое в христианских категориях называют «человеком последних времён». Кибернетическая образность и связь нашего мира с миром будущего – это уже не фантастика. Глобальная цифровизация и глобальные категории расчеловечивания человека – визитная карточка нового века. Подобное мы с вами как раз и наблюдаем сегодня. Великий провидец Ф. М. Достоевский предостерегал человечество об опасности замены знания и чувств информацией, бездуховностью, безнравственностью. В третьем тысячелетии на чашу весов также поставлены разум – антиразум. Алексей Яшин говорит об этом в своей книге «Женщина в человекнике», когда даёт характеристику нашему времени, теряющему семейные ценности, в книге «Болдинское межсезонье», когда создаёт образы современной «молодой поросли», поглощённой механистическим стилем жизни, в книге «Житие наше оцифрованное», когда сокрушается о том, что человеческая душа заменяется схоластической цифрой и программой, не способной сохранить творческую индивидуальность, забывающей и не чувствующей живое, родное слово. Привычный доб-

рый мир рухнул, человек растерян и подавлен, не зная, как ему выживать в условиях крайне изменённого современного мышления. Уход от традиционной духовности и творческой художественности, о которых Алексей Яшин так вдохновенно рассказал в своей новой дилогии, привёл нас и к утрате массового читателя. Человеку с компьютерным мышлением необходима лишь информация, а не сама книга, открывающая тайны и загадки его внутреннего мира, вдохновляющая его мыслить творчески и помогающая ему выбирать верный путь в жизни. Программа искусственного интеллекта стирает память и саму личность. Мы видим, как всё искусственное приходит на смену некогда естественному ходу вещей.

Философия Вселенной такова, что она соединяет в себе интеллектуальный Космос, Землю, Природу. Человек несёт в себе микрокосм, целый великий мир, в котором отражается и макрокосм человечества, где очень важна коллективная память системы микромира, каждой его частицы в отдельности, особенно память генетическая, сохраняющая нас духовно. Компьютер, голая цифра это уничтожают. Оперативная память не может заменить памяти исторической, уходящей своими корнями в память человеческого рода. Мир состоит из разных контрастных систем, предусматривающих единую форму бытия целостности всего, в чём, по убеждению Н. Бердяева, состоит «смысл истории». Энергия космоса сулит миру живые связи ноосферы как новый выбор человечества, подключающий вселенский масштаб Духа, нравственного Разума. Но сможем ли мы совершить этот грандиозный прорыв в

будущее, ибо нарушена и катастрофически уничтожается биосфера Земли, а вместе с нею нарушается и гибнет экология человеческой души?

Великий Инквизитор, или современный Молох глобализации, пророчески предсказанный Ф. Достоевским, должен быть побеждён планетарной Всечеловечностью – альтернативой Абсолютному Злу бездуховности, – гениально им же и предлагаемой миру. Человек должен сохранить в себе человека творческого. Именно об этом на страницах своей книги «Страна холода» напоминает нам и одновременно предостерегает нас об опасности потери главного – самих себя – Алексей Яшин. Без сомнения, его книга – как яркое свидетельство нашей созидательной эпохи – состоялась. Каким-то непостижимым образом в ней соединилось всё воедино: детство, Северное Заполярье, память поколений, история страны, наше настоящее и наше общее будущее!

Страна холода: Детство в Гипербореях. – Москва: «Московский Парнас», 2009.
Страна холода (2): Под опекой Арктогеи. – Москва: «Новые Витражи», 2021.

Людмила Анатольевна ВОРОБЬЁВА –
 член Союза писателей Беларуси с 2017 года,
 лауреат Международной литературной
 премии им. Н. Гоголя «Триумф» (2019),
 Международной литературной премии
 им. С. Есенина «О Русь, взмахни крылами...» (2017),
 Международного литературного конкурса
 «Славянский калейдоскоп – 2018»,
 академик Международной литературно-художественной
 Академии Украины.
 Автор книг литературной критики: «Душа слова» (2015),
 «Время жизни, любви и подвига» (2016),
 «Единство вечных истин» (2018).
 Живёт в Минске.

